
ИСТОРИЯ ГЕОГРАФИИ И ИСТОРИЧЕСКАЯ ГЕОГРАФИЯ

УДК 930.2+913:[911.3:316.4(571)]

ИСТОРИКО-ГЕОГРАФИЧЕСКИЙ АТЛАС ЮГО-ЗАПАДНОЙ СИБИРИ: ОПЫТ КАРТОГРАФИРОВАНИЯ ТЮМЕНСКО-ВЕРХОТУРСКОЙ ДОРОГИ, 1666–1771

© 2017 г. Фёдор С. Корандей, Сергей В. Рассказов

Тюменский государственный университет, Тюмень, Россия
e-mail: brecht_1@mail.ru, sergei.rasskasov@gmail.com

Поступила в редакцию 16.12.2015 г.

Аннотация. В статье на примере исследования исторической географии Верхотурско-Тюменской дороги XVII–XVIII вв. обсуждается формат нарративного исторического атласа, который включает в себя не только графические материалы и тематические карты региона, но и методические комментарии к картам и схемам. В качестве примера одного из разделов такого атласа предлагается опыт историко-географического описания участка сибирских коммуникаций XVII–XVIII вв. В первой части статьи проводится критическое сопоставление данных атласов, составленных С. У. Ремезовым, с данными путевых описаний XVII–XVIII вв. с целью идентификации содержащихся в источниках топонимов. Во второй части статьи на основе путевых описаний строятся схемы, а затем обзорные карты, отражающие конкретный маршрут дороги, имеющиеся сведения о населенных пунктах и их названиях, а также ряд дополнительных вопросов – таких как скорость движения, способы путешествия, возможные отклонения от маршрута.

Ключевые слова: историческая география, историческая картография, историческая география регионов, Юго-Западная Сибирь, историческая география транспорта, нарративный атлас, методология историко-географического картографирования.

DOI:10.15356/0373-2444-2017-1-137-146

Historical and Geographical Atlas of South-Western Siberia: Experience of Mapping the Tyumen-Verkhoturys Road, 1666–1771

Fedor S. Korandei and Sergei V. Rasskazov

Tyumen State University, Tyumen, Russia
e-mail: brecht_1@mail.ru, sergei.rasskasov@gmail.com

Abstract. The paper is concerned on the format of a narrative historical atlas, which consists of not only graphical materials and thematic maps of a region, but methodical comments to maps and schemes, by the case of studying historical geography of the Tyumen-Verkhoturys road of the 17th–18th centuries. The experience of historical-geographical description of the area of Siberian communications of the 17th–18th centuries is offered as an example of one of sections of such Atlas. The first part of the article provides a critical comparison of the atlases, compiled by S. U. Remezov, with the data of travel descriptions of the 17th–18th centuries to identify toponyms being in sources. In the second part of the article, schemes are built based on the travel descriptions, and then an overview maps showing the exact route of the road, the available information about the settlements and their names, and also a number of additional issues such as speed of movement, methods of travel, and possible deviations from the route.

Keywords: historical geography, historical cartography, regional historical geography, South-Western Siberia, historical geography of transport, narrative atlas, methodology of mapping in historical geography.

Введение. Представленная работа — результат проекта по разработке методологии исторического атласа Юго-Западной Сибири. Несмотря на прогресс современной тематической картографии, исторический атлас как жанр историографии находится в кризисе [12]. Это относится и к использованию картографии в исторических исследованиях. Карты используются историками крайне редко, лишь для визуализации упомянутых в тексте работы географических объектов. Между тем феномен исторической картографии заслуживает критического переосмысления: карта, обычно понимаемая как дидактически-иллюстративный инструмент, должна использоваться как полноценный инструмент исторического исследования, не менее важный, чем остальные методы. Одной из задач упомянутого проекта была разработка методологии атласа, сочетающей методы тематической картографии с принципом “нарративного атласа” (narrative atlas) [21, 38, 39].

Под нарративным атласом мы понимаем серию карт, которая может включаться в состав исторического исследования, но также является и самостоятельным картографическим исследованием. Подход предполагает использование как картографических методов (карты, схемы, картограммы и т.д.), так и нарративных экскурсов, демонстрирующих методики создания картографических изображений, специфические проблемы картографического подхода. Карты едва ли являются беспристрастным и объективным инструментом описания географической реальности. Они представляют собой образы, преломленные (refracted images) влиянием социального контекста [27, 28, 31, 32, 40]. В рамках нашего подхода созданию новой исторической карты должна сопутствовать ее “деконструкция” — источники карты, как нарративные, так и картографические, должны быть показаны с точки зрения стоявших за ними отношений власти, метафорической и риторической составляющих картографии. Особенно важна история складывания стереотипных приемов географического описания, характеристики и синтеза, которые использовались в процессе колонизации региона кругом акторов, формировавших это знание (от администраторов до ученых и педагогов).

На практике метод отличается от привычного комплексного картографирования, в основе которого лежит характеристика территории по большой совокупности признаков. Хотя подобные карты воспринимаются читателем в качестве “объективных” свидетельств, фактически они являются авторскими работами с характерно

расставленными акцентами. Отказ от комплексного картографирования ради картографирования частных сюжетов с “открытыми” источниками предъявляет особые требования к текстовому аппарату карт. Тексты, включаемые в подобный исторический атлас, представляют собой комментарий, описывающий процесс создания и функционирования карты, намечающий перспективы ее критического восприятия.

Постановка проблемы. Ниже представлен опыт создания главы подобного атласа, посвященной тюменско-верхотурской дороге. Легенды, прилагавшиеся к первым русским картам Сибири XVII в., содержали описание данной дороги, привязанное к гидрографии местности. В “Росписи сибирским городам и острогам” (до 1640 г.), указывалась продолжительность летнего (“водяного” и “сухого”) и зимнего путей между городами, острогами и устьями крупных рек [17, с. 9–10, 12]. Легенда карты 1667 г., в основании которой лежало не время езды, а расстояние в верстах, оперировала названиями придорожных поселений [17, с. 27]. Самый важный картографический источник по истории исследуемой дороги — “Хорографическая книга” С.У. Ремезова (1697–1711), представляет собой серию крупномасштабных карт речных долин региона, практически лишенных текстового комментария [1, 3, 4, 5]. В настоящее время доступна электронная версия атласа, хранящегося в библиотеке Гарвардского университета [34]. Менее информативна в нашем случае оказалась “Чертежная книга” (1699–1701) того же автора, включающая в себя 13 планов городов с ближайшими окрестностями (большой частью присланных с мест и оформленных в едином стиле) и 10 карт. С.У. Ремезов несомненно был знаком с европейскими атласами и картами, и его картографические произведения должны рассматриваться в контексте современной ему картографии [9]. Ни первый, ни второй атласы, как представляется, не были закончены — так значительная часть планов и карт “Чертежной книги” не снабжена комментариями, которые предпосланы материалам книги на первых листах. Оригинал “Чертежной книги” хранится в РГБ, первое факсимильное издание сделано в конце XIX столетия [16, 35].

Другие относящиеся к вопросу карты XVIII в. отличались меньшим масштабом. В “Атласе Российском” 1745 г. мы находим на этом пути список названий, достаточных для заполнения участка карты, но бесполезных для путешественника [2, л. XII].

Среди других ранних текстов могут быть названы документы XVIII в. из ямских архивов. Эти

промемории, рапорта и подорожные практически не включают в себя географической информации, ограничиваясь только упоминаниями узловых центров [19]. Дорожники, содержащие росписи придорожных пунктов и почтовых станций, появляются в России только в 1760-х годах.

В этом контексте весьма информативны путевые описания – составленные от первого лица прозаические нарративы о путешествиях, имевших место в действительности [23, 37, р. 9–33; 41, р. 1–15]. Модели, на которые ориентировались составители путевых описаний, с течением времени менялись. В исследуемый период эти тексты строились по модели сопроводительной документации экспедиций, деловых и дипломатических предприятий, были разновидностью отчетов, близких судовым журналам, бухгалтерским книгам, прикладной картографии. Известны статистико-этнографические опросники, использовавшиеся путешественниками XVIII в. для сбора информации о территории [11, 36], однако работы, посвященные тому, как форма путевых описаний была связана с первичной работой по картографированию, фактически отсутствуют. Между тем региональные путевые описания конца XVII – первой половины XVIII в. были настоящими “текстовыми картами”, решавшими задачи тотальной документации топонимики, регистрации объектов земного пространства, данные о котором были неполными.

Тексты из нашего собрания сибирских путевых описаний представляют собой записки пленных [14, 26, 29, 33], посольские отчеты (статейные списки) [6, 15, 18, 20, 22], отчеты научных экспедиций XVIII – начала XIX в., с участием зарубежных

ученых. В данном случае это тексты Второй камчатской экспедиции (1733–1743) [25] и Академической экспедиции (1768–1774) [13].

Итак, что способны сказать путевые описания о Верхотурской дороге XVII–XVIII вв.?

Первый этап: идентификация объектов, упомянутых в путевых описаниях и критика достоверности источников. В основе идентификации географических объектов, упомянутых путешественниками, лежит сравнение их данных с данными других источников, имеющее целью определить и нанести на современную карту эти объекты. На первом этапе мы сравнивали материал путевых описаний с материалом “Чертежной” [16, 35] и “Хорографической книг” С.У. Ремезова (рубеж XVII–XVIII вв., составлены по материалам последней трети XVII в.) [4, 34]. Это сравнение делало очевидным некоторые несовпадения. Хотя на карты “Книг” Ремезова нанесено большинство географических пунктов, известных авторам путевых описаний, порядок следования пунктов в “Книгах” и в путевых описаниях часто не совпадает. Например, описание пути пленного каролина Андеша Пильстрёма (осень 1722 г.) [33, р. 90] между Туринской слободой и городом Туринском соответствует листу 54 “Хорографической книги” [34, fol. 54]. Пильстрём указывает на этом участке следующую последовательность: *Turinske slabodden (29. 09). Korzawina, Rulicowa, Andronowa, Slotka, Tumilowa, Succanowa (30.09). Puscharoff, Lachina, Lipowa, Lachiwonka, Korkina, Borr, Lugowa, Lipana, Jarsoffka (1.10), Jepanschin (1.10)*. Рис. 1 содержит копию фрагмента указанного 54 листа – именно так Ремезов изображает рассматриваемый участок дороги.

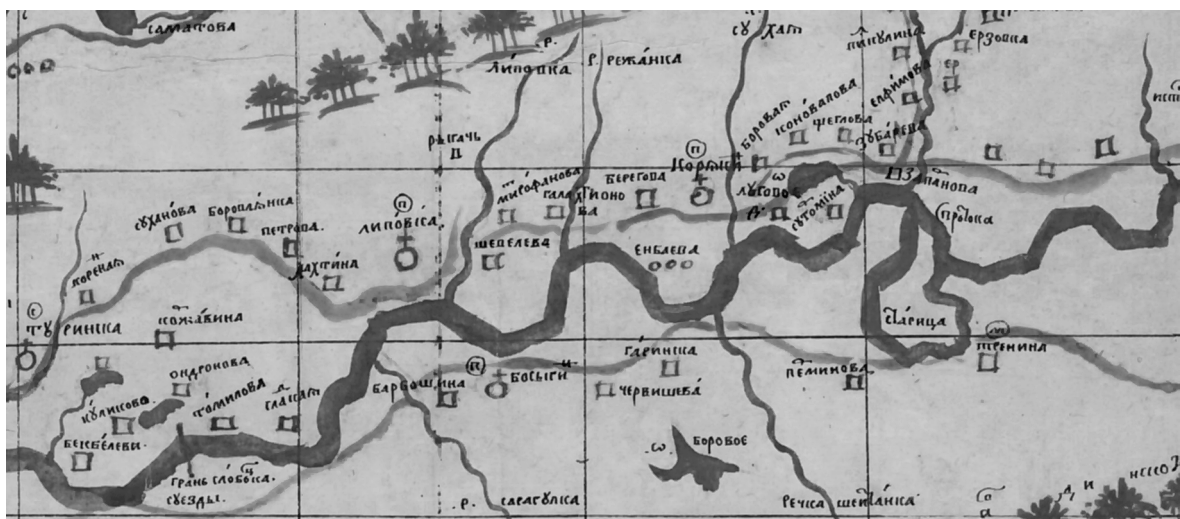

Рис. 1. “Хорографическая книга” С.У. Ремезова. [34, fol. 54]. Фрагмент: Тура и тюменско-верхотурская дорога от Туринской слободы до пригородов Туринска.

Рис. 2. «Хорографическая книга» С.У. Ремезова. [34, fol. 54]. Фрагмент: Тура и тюменско-верхотурская дорога от Туринской слободы до деревни Лахтиной.

Рассмотрим ту часть листа, где сконцентрирована большая часть упомянутых Пильстрёмом топонимов (см. рис. 2).

Данные Ремезова и Пильстрёма различаются, как с точки зрения числа топонимов, так и с точки зрения их порядка. При пристальном рассмотрении все деревни из списка Пильстрёма (Коржавина, Куликова, Одроновка, Сладкая, Томилова) обнаруживаются в стороне от дороги

Ремезова — ближе к Туре. На карте Ремезова отсутствует упомянутая Пильстрёмом деревня Пушкарёва (Puscharoff), но зато присутствует несколько объектов, Пильстрёмом не упомянутых. Пытающийся проследить путешествие Пильстрёма по карте Ремезова вынужден совершать немислимые зигзаги. Сличение данного материала с топографическими картами И.А. Стрельбицкого (составлялись начиная с 1860-х годов, в данном случае используется редакция 1919 г. — см. рис. 3), и позднесоветскими топографическими картами (рис. 4), показывает, что порядок следования деревень в данном районе тот же, что у Пильстрёма.

Далее Ремезов более точен — итинерарий Пильстрёма от деревни Лахтиной до Туринска не обнаруживает расхождений с «Хорографической книгой». «Ремезовские» деревни следуют в том же порядке, что и деревни Пильстрёма — Галактионова (Lachiwonka), Коркина (Korkina), Боровая (Borr), Луговая (Lugowa) и Ерзовка (Jarsoffka). Таким образом, атлас Ремезова включает в себя некоторое число топонимов, которые не удастся идентифицировать при помощи путевых описаний. Некритически доверяя источнику, эти пункты можно было бы отнести к исчезнувшим, но, как показывает вышеприведенный случай, возможно, что это деревни, «переехавшие» на данный участок с других участков чертежа. В целом при сопоставлении данных путевых описаний с данными «Хорографической книги», последняя показала себя как ограниченно надежный источник с разной степенью точности для разных участков. Отметим, что данные «Чертежной книги», в том, что касается рассматриваемого участка, более близки к современным, нежели данные «Хорографической книги».

Рис. 3. Специальная карта Европейской России. Изд. военно-топографического отдела Главного штаба. Под редакцией Генерального штаба генерал-майора Стрельбицкого. Сборная карта. 142-й лист. РГАДА. Ф.192. Оп. 2. Разд. II, Д. 142. Фрагмент: Течение Туры и местные дороги от дер. Шевелёвой до Туринской сл.

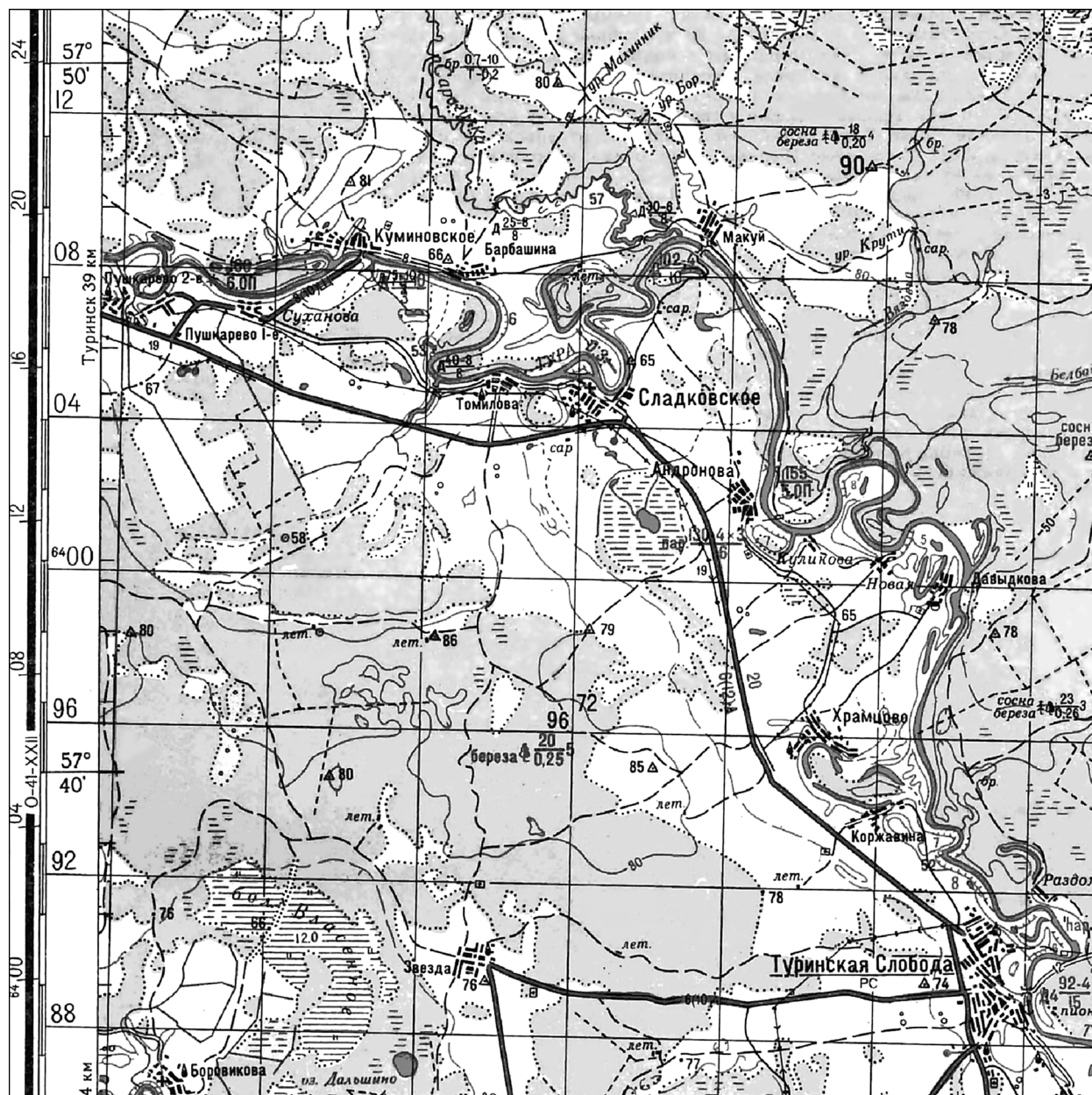

Рис. 4. Топографическая карта РСФСР масштаба 1:200 000. Л. О-41-XXIII. ГУГК СССР, 1986. Фрагмент: Течение Туры и местные дороги от с. Пушкарёво 2-е до Туринской сл.

Однако “Чертежная книга” Ремезова — источник, отображающий лишь ближайшие окрестности сибирских городов. Для участков, располагавшихся между городами, альтернативы “Хорографической книге” нет.

Ограниченная точность “Хорографической книги” связана с проблемами, общими для европейской картографии XVII–XVIII вв. Чертежи “Хорографической книги” представляют собой синтез, сочетающий личный полевой опыт картографа с данными письменных и устных источников, заведомо неоднородных

и составленных по разным принципам. В случае с отрезком пути от Коржавиной до Лахтиной мы видим, что близко расположенные деревни совершенно верно отображены на чертеже “одним кустом”, но возможности выстроить их в правильной последовательности, у автора, очевидно, не было. Вполне вероятно, что информатор следовал через район по реке, вследствие чего расположение притрактовых поселений осталось ему неясным; может быть, письменный источник карты носил хозяйственный или фискальный характер и не отражал расположения населенных пунктов. Судя по всему, количество

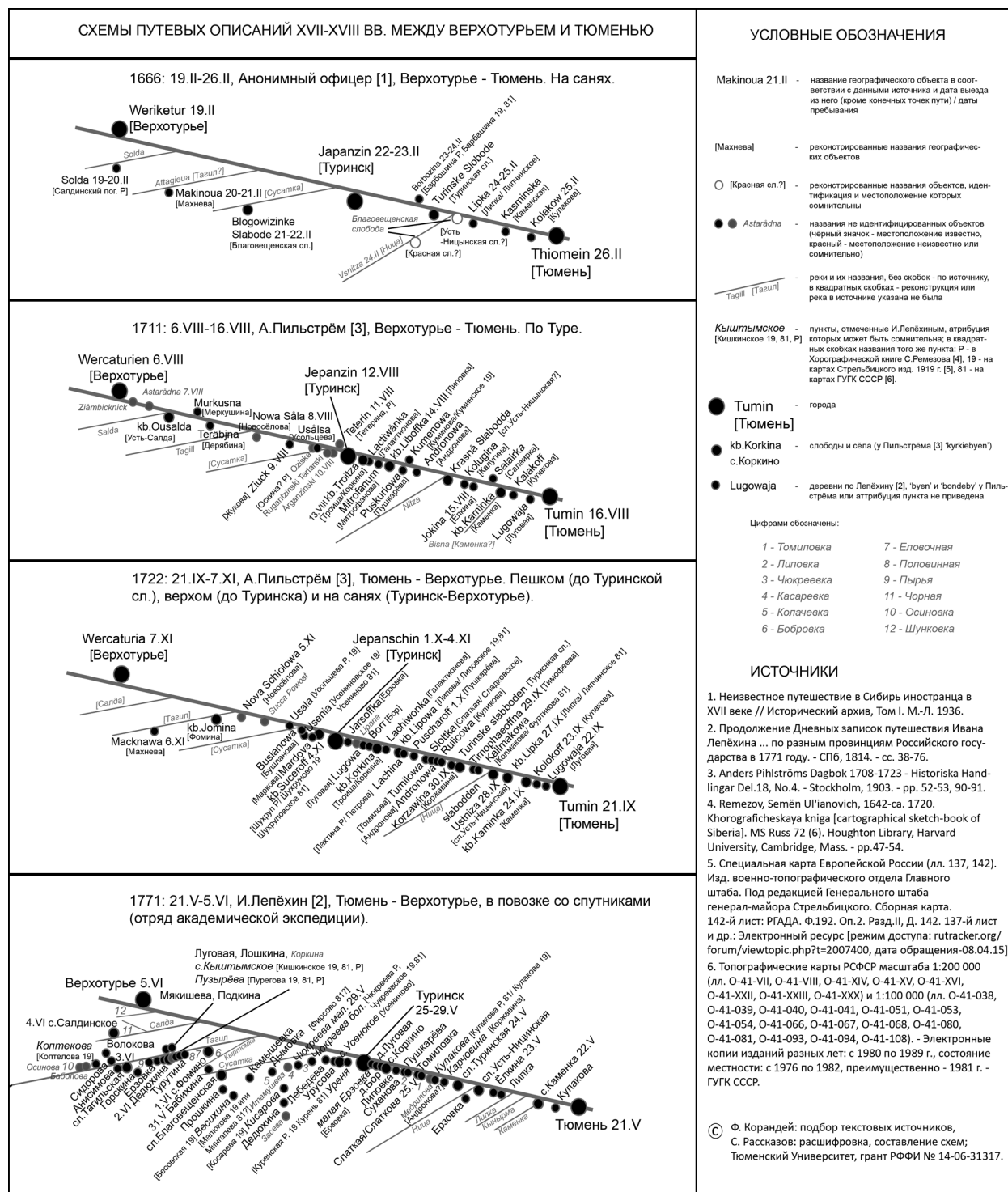

Рис. 5. Схемы путевых описаний Анонима, А. Пильстрёма и И. Лепёхина.

информаторов, поставивших сведения создателю “Хорографической книги”, было довольно значительным. В зависимости от качества этой информации достоверность изображения разных участков территории значительно варьирует даже в пределах одного листа.

Второй этап: составление картоидной схемы. На следующем этапе работы мы составили схемы четырех описаний Верхотурской дороги. Во-первых, это путешествие оставшегося безымянным иностранного офицера, относящееся к 1666 г. (далее – Аноним) [14]; два путешествия шведского

военнопленного А. Пильстрёма (путешествие 1711 г. в Сибирь и путешествие 1722 г. из Сибири) [33], путешествие И.И. Лепёхина, осуществленное в 1771 г., в рамках Академической экспедиции [13]. Полученные графические материалы (рис. 5) представляют собой картоидные схемы. Они не сохраняют большинства данных, при помощи которых карты передают основные свойства географического пространства. На схемах оставлены лишь данные, указывающие на близость топонимов к водным объектам и их последовательность. Дополнительная информация, нанесенная на схему, касается ранга остановочных пунктов (город, слобода/село или деревня), названий, результатов идентификации пункта. Ниже приведены авторские комментарии к каждой из схем — они вместе с разделом, посвященным критике источников, представляют собой текстовую часть атласа.

Комментарии к схеме Анонима. Путешествие Анонима было довольно быстрым, он единственный из всех рассмотренных путешественников ехал зимой по санному пути. С этим была связана и его лаконичность в описании дороги — он отмечал только места стоянок (чаще — ночевки) и самые крупные пункты. Почти все расстояние от Верхотурья до Тюмени (не менее 370 км) он преодолел за семь дней. Автор следовал в основном главной линии тракта, не делая больших отрезков по льду рек и не пользуясь второстепенными участками основного пути. Эти второстепенные участки становятся очевидными при исследовании десятка других путевых описаний периода, результаты которого будут опубликованы позже: от устья Сусатки вдоль Туры до устья Тагила, затем вдоль Тагила до Махневой и на Салдинский волок или наоборот — от Верхотурья вдоль Туры (или по Туре) до устья Тагила, опять вверх по Тагилу до Фоминой, с тем, чтобы попасть на Бабинский волок.

Комментарии к схемам А. Пильстрёма. На первой схеме (путешествие 1711 г.) темных мест два — сразу за Верхотурьем (Ziãmbicknick и Astarãdna) и перед Туринском. В остальном маршрут автора ясен (это сплав вниз по Туре, вероятно, на дощаниках), большинство упомянутых пунктов сравнительно легко идентифицируется и существует по сей день. Иногда автор упоминал населенные пункты, располагавшиеся на левом берегу Туры, но большинство упомянутых деревень были расположены на правом, вблизи дороги. Плотность населенных пунктов увеличилась на участке между Туринском и Тюменью. Дело в том, что сухопутная дорога после Верхотурья уходила в сторону от Туры — на притоки и волокы между ними.

Именно там и фиксируется плотность населенных пунктов, схожая с тюменско-туринским участком дороги. По Туре же между Верхотурьем и Туринском, в XVIII веке, как и сейчас, населенных пунктов было меньше.

Схема второго путешествия А. Пильстрёма, построенная на данных дневника 1722 г., содержит меньшее число темных мест. От Тюмени и до Туринска группа шведов, возвращавшихся из сибирского плена, следовала сначала пешком. Затем, купив лошадей, они продолжали путешествие верхом. Все пункты, упоминаемые автором — хорошо идентифицируемые селения правого берега Туры. В Туринске офицеры провели больше месяца и из этого города ехали уже на санях по выпавшему снегу, избрав путь вдоль Туры, а не по основной линии Верхотурской дороги вдоль реки Сусатки: сначала проехали западными пригородами Туринска, затем миновали Усольцеву, Сусса Powost (Сухой Погост) и деревню Новосёллову, свернув затем в долину Тагила. Следующие два пункта до Верхотурья, упомянутые Пильстрёмом — это Фомина и Махнева на Тагиле. Пунктов на участке между Туринском и Верхотурьем описано меньше, что связано с изменением способа передвижения на более быстрый.

Комментарий к схеме путешествия И.И. Лепёхина. И.И. Лепёхин отправился по верхотурской дороге в мае 1771 г. вместе с коллегами по Академической экспедиции. Возможности ехать быстро у путешественников не было, они часто останавливались на ночлег, в том числе в чистом поле. Дорога до Верхотурья заняла у Лепехина около 13 дней. Маршрут был обычным — через притоки Туры Сусатку, Тагил и Салду и два волока. Из всех рассмотренных в настоящей работе путешественников дольше него двигался только Пильстрём в 1722 г. Медленность передвижения находится в тесной связи с подробностью топонимических данных — концентрация топонимов в данном случае весьма высока.

Темных мест на этой схеме практически нет. Большая часть упомянутых Лепёхиным населенных пунктов может быть идентифицирована при помощи карт Стрельбицкого, значительная — по современным картам. По результатам нашего исследования, неопознанными остались 6 пунктов из приведенных Лепехиным семи десятков топонимов.

Третий этап: обзорное картографирование. После построения схем, имеющих аналитический характер, возможно создание большого числа обзорных карт. Трудность состоит в крупном масштабе работы. На картоидных схемах большие

Рис. 6. Обзорная карта-схема тюменско-верхотурской дороги.

промежутки между пунктами можно игнорировать, а на обзорных картах или схемах, построенных на основе общегеографических карт, начнут работать правила генерализации и сохранения читаемости. По этой причине на приведенной карте-схеме (рис. 6) обозначены только важнейшие пункты дороги. Для того чтобы увидеть, что представляла собой тюменско-верхотурская дорога XVII–XVIII вв. “в реальности”, даже с нанесением на карту данных всего лишь трех путешественников из десятка нам известных [6, 8, 15, 18, 20, 22, 24–26, 29, 30], понадобится отдельный атлас. Это не представляется проблемой в условиях доступности крупномасштабных карт, при помощи которых, используя приведенные схемы, легко проследить историческую дорогу. Компромиссом в этом смысле могут быть современные виды популярной картографической визуализации, такие как тематические слои на Google-картах и им подобные.

Выводы. Метод последовательного описания пути и его отображения при помощи картоидной схемы облегчает работу по идентификации географических пунктов в текстах путевых описаний. С его помощью даже в случае серьезных искажений исходных топонимов или исчезновения существовавших названий/объектов, можно с небольшой погрешностью отметить место указанной в источнике деревни. Населенные пункты, существовавшие в XVIII в., даже исчезнув, продолжают жить в топонимике района: в ряде случаев,

исчезнувшим населенным пунктам, указанным в дневнике И.И. Лепехина, на современных картах соответствуют одноименные урочища. Параллельное использование данных картографии и путевых описаний для идентификации объектов исторической топонимики дает весьма низкий процент объектов, которые идентифицировать не удастся. Это, вероятно, связано с “консервирующей” ролью транспортных артерий, которые продлевают жизнь расположенных на них населенных пунктов. Самыми проблемными для идентификации участками остаются те, где дороги уже давно не существует. Между тем в данной работе были использованы лишь методы дистанционной работы. Дальнейшая работа по идентификации топонимики путевых описаний, поиску следов исчезнувших или переименованных населенных пунктов, требует работы в поле.

Благодарности. Работа над статьей выполнена при поддержке гранта РФФИ № 14-06-31317. Использованы материалы корпуса путевых описаний Тюменского узлового района (XVII–XX вв.), составленного в результате реализации проекта РГНФ № 14-31-01248. Авторы выражают особую благодарность М. Розенкову (Страсбург) за перевод фрагмента дневников А. Пильстрёма с шведского языка, А. Елфимову и П. Пудову (Тобольск), Деннису Марнону и Ирине Клягиной (Кембридж, Массачусетс) за работу, приведшую к появлению общедоступной электронной копии “Хорографической книги Сибири”.

Acknowledgements. The research and paper writing was supported by grant no. 14-06-31317 of Russian Foundation for Basic Research. Authors used Tyumen Travel Writings collection (XVII–XX centuries), research and work on that was supported by grant no. 14-31-01248 of Russian Foundation for Humanities. Authors wish to express their special recognition to Max Rozenkov (Strasbourg) who translated a fragment of Pihlstrom's writing from Swedish, and to Arkady Elfimov, Peter Pudov (Tobolsk) and Dennis Marnon, Irene Klyagin (Cambridge, MA) for their work and efforts that lead to appear of 'Khorographic Sketch-Book of Siberia' open copy.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Андреев А.И. Очерки по источниковедению Сибири. Вып. 1. XVII век. М. – Л.: АН СССР, 1960. 280 с.
2. Атлас Российской, состоящий из девятнадцати специальных карт, представляющих Всероссийскую империю с пограничными землями. СПб.: Имп. Акад. наук, 1745. 31 с.
3. Гольденберг Л.А. С.У. Ремезов и картографическое источниковедение Сибири второй пол. XVII – нач. XVIII в. Дисс. ... д. ист. наук. М.: Институт истории АН СССР, 1967. 690 с.
4. Дергачева-Скоп Е.И., Алексеев В.Н. Хорографическая чертежная книга Сибири С.У. Ремезова. Исследования. Текст. Научно-справочный аппарат факсимильного издания рукописи Houghton Library of the Harvard College Library, Harvard University // Хорографическая чертежная книга Сибири С.У. Ремезова. Тобольск: Возрождение Тобольска, 2011. 690 с.
5. Ефимов А.В. Из истории русских экспедиций на Тихом океане. Первая половина XVIII века. М.: Воениздат, 1948. 344 с.
6. Идес И., Бранд А. Записки о посольстве в Китай / Пер. М.И. Казанина. М.: Наука, Главная редакция восточной литературы, 1967. С. 79–81. Путешествие июня–июля 1692 г.
7. Карта части Сибири от Соли Камской до Тобольска. РГАДА. Ф. 192. Оп. 3. III Тобольская губерния. Д. 268.
8. Кёнигфельс Т. Дневники // Матер. экспедиции Ж.-Н. Делиля в Березов в 1740 г. СПб.: Историческая иллюстрация, 2008. С. 220–221, 292–294. Путешествия марта и июля 1740 г.
9. Кивельсон В. Картографии царства: земля и ее значения в России XVII века. М.: НЛЮ, 2012. 360 с.
10. Кирилов И.К. Атлас Всероссийской империи: Собрание карт И.К. Кирилова. 39 л. карт. СПб.: Альфарет, 2008. 10 с.
11. Коновалова Е.Н., Трофимова О.В. Топографические описания Западной Сибири XVIII века. Тюмень: ТюмГНГУ, 2013. 455 с.
12. Корандей Ф.С. Исторический атлас как жанр: история и историография // Вестник ТюмГУ. 2014. № 2. С. 98–104.
13. Лепехин И.И. Продолжение Дневных записок путешествия... по разным провинциям Российского государства в 1771 году. Ч. 3. СПб.: Тип. Императорской Академии Наук, 1780. С. 38–76. Путешествие мая–июня 1771 г.
14. Описание путешествия в Сибирь и далее в различные местности страны // Сибирь в известиях западно-европейских путешественников и писателей / Сост. М.П. Алексеев. Иркутск: ОГИЗ. Иркутское областное издательство, 1941. С. 338–344. Путешествие февраля–марта 1666 г.
15. Рагузинский-Владиславич С.Л. Журнал... сочиненной в проезде ево от Санкт-Петербурга до Москвы и от Москвы чрез Сибирь до китайской столицы Пекина и назад до Москвы // Русско-китайские отношения в XVIII веке. Т. 2. 1725–1727. М.: Наука, 1990. С. 191–192. Путешествие января 1725 г.
16. Ремезов С.У. Чертежная книга Сибири, составленная тобольским сыном боярским Семеном Ремезовым в 1701 г. 23 л. карт. СПб.: Тип. А.М. Котомина, 1882. 16 с.
17. Титов А.А. Сибирь в XVII веке: сборник старинных русских статей о Сибири и прилежащих к ней землях с приложением снимка со старинной карты Сибири. М.: Изд. Г. Юдина, 1890. 216 с.
18. Тулишэнь. Записки о поездке в составе Цинского посольства к калмыцкому хану Аюке в 1712–1715 гг. / Пер. И.К. Россохина // Русско-китайские отношения в XVIII веке. Т. 1. 1700–1725. М.: Наука, 1978. С. 459–461. Путешествие сентября 1713 г.
19. Указы, выписки из журналов, рапорта Тюменской воеводской канцелярии, промемории Верхотурского, Туринского, Тюменского ямов о состоянии ямской гоньбы. ГУТО ГАТО. Ф. И47. Оп. 1. Д. 3714.
20. Унферцагт Г.И. Записки о путешествии в Цинскую империю в 1719–1722 гг. // Русско-китайские отношения в XVIII веке. Т. 1. 1700–1725. М.: Наука, 1978. С. 560–561. Путешествие декабря 1719 г.
21. Bentley E. A Historical Atlas in Narrative Form // Cartography and Geographic Information Science. 2012. 39 (4). P. 219–231.
22. Bell J. Travels from St. Petersburg in Russia to various parts of Asia. Glasgow: R. and A. Foulis, 1763. V. 1. P. 180–183. Путешествие сентября 1719 г.
23. Borm J. Defining Travel: On the Travel Book, Travel Writing and Terminology // Perspectives on Travel Writing / Ed. by Glenn Hooper & Tim Youngs. Aldershot: Ashgate, 2004. P. 78–105.
24. Chappe d'Auteroche J.-B. Voyage en Sibirie, fait par ordre du roi en 1761. Amsterdam: Marc Michele Rey, 1769. T. I. P. 113–117. Путешествие августа–сентября 1761 г.
25. Gmelin J.G. Reise durch Sibirien von dem Jahr 1733–1743. Göttingen: Verlegts A. Vandenhoecks seel, 1752. Bd. T. 4.

- Р. 247–254, 475–484. Путешествия марта и ноября 1742 г.
26. *Hard O.* *Lojtnanten O. Hards dagbok fran sin fangenskap 1708–1722* // *Karolinska krigares dagböcker*. V. 4. Lund, 1908. P. 347–348, 359. Путешествия апреля–мая 1712 и февраля 1722 г.
 27. *Harley J.B.* *Deconstructing the map* // *Cartographica*. 1989. 26. P. 1–20.
 28. *Harley J.B.* *Maps, knowledge and power* // *The Iconography of Landscape*. Cambridge: Univ. Press, 1988. P. 277–312.
 29. *Kamieński Dłużyk A.* *Diariusz więzienia moskiewskiego, miast i miejsc* // *Dwa polskie pamiętniki z Syberii. XVII i XVIII wiek*. Warszawa-Wrocław: Wrocławska Drukarnia Naukowa, 1996. P. 22–27. Путешествие весны 1661 г.
 30. *Messerschmidt D.G.* *Forschungsreise durch Sibirien 1720–1727*. T.5. Berlin: Akademie Verlag, 1977. P. 99–100. Путешествие марта 1726 г.
 31. *Monmonier M.* *How to Lie with Maps*. Chicago: Univ. Press, 1996. 207 p.
 32. *Monmonier M.* *Mapping It Out: Expository Cartography for the Humanities and Social Sciences*. Chicago: Univ. Press, 1993. 316 p.
 33. *Pihlström A.* *Dagbok 1708–1723* // *Historiska handlingar*. D. 18 (4). Stockholm, 1903. P. 52–53, 90–91. Путешествия августа 1711 и сентября–ноября 1722 г.
 34. *Remezov S.U.* *Khorograficheskaya kniga* [cartographical sketch-book of Siberia]. MS Russ 72 (6). Houghton Library, Harvard University, Cambridge, Mass. Электронный ресурс. Режим доступа: <http://pds.lib.harvard.edu/pds/view/18273155>.
 35. *Remesov S.U.* *The Atlas of Siberia* / Ed. by Leo Bagrow. Gravenhage: Mouton & Co, 1958.
 36. *Stagl J.* *A History of Curiosity: The Theory of Travel, 1550–1800*. London, New York: Routledge, 1995. 344 p.
 37. *Thompson C.* *Travel Writing*. London, New York: Routledge, 2011. 240 p.
 38. *Woods D.* *Everything Sings: Maps For A Narrative Atlas*. Los Angeles: Siglio Press, 2010. 112 p.
 39. *Woods D.* *Pleasure in the Idea: The Atlas as Narrative Form* // *Cartographica*. 1987. 24 (1). P. 24–46.
 40. *Woods D.* *Rethinking the Power of Maps*. New York: Guilford Press, 2010. 335 p.
 41. *Youngs T.* *The Cambridge Introduction to Travel Writing*. Cambridge: Univ. Press, 2013. 256 p.